

Яд, что пробрался в душу и сердце, приносил неопишемую боль.

Глядя на тонувший в шёлке ночи, застывший силуэт Жун Тяня, Фэн Мин потерял самообладание, и бусинки слёз, сорвавшись с ресниц, обожгли кожу.

Князь понятия не имел, как одарить любовью величественного и невозмутимого мужчину, стоящего перед ним.

В этот момент он искренне хотел, чтобы Жун Тянь не любил его настолько сильно и не взваливал многого на свои плечи ради него, Фэн Мина. Хотя душа Мэй Цзи ещё бродила по брешней земле, однако Фэн Мин, стоя в безмолвной пустоши, оплакивал Жун Тяня.

Чувства боли и благодарности, над которыми князь не мог совладать, потоком хлынули, затопляя сердце, более того, смешавшись с любовью, они забурлили, растопили и омывали душу, словно снегопад в суровую зиму, вызывали дрожь, ввергая в пучину тепла и холода.

— Фэн Мин, что ты здесь делаешь? — до уха донёлся знакомый и ласковый шёпот. — Не можешь заснуть?

Подняв голову, Фэн Мин не знал, когда Жун Тянь подошёл и как долго стоял перед ним.

Казалось, он всегда находился рядом.

Стоило лишь взор обратить, а желанию — охватить разум, как он мог тотчас же появиться с лёгкой улыбкой, даря князю силы.

Фэн Мин, уставившись на выдающегося мужчину перед ним, растерянно слегка кивнул.

На что Жун Тянь ответил:

— Я тоже не могу уснуть. — И, подняв рукав, помог Фэн Мину смахнуть слёзы. — Неважно, я составлю тебе компанию, и, вернувшись, обо всём поговорим и, возможно, скоро уснём.

Крепко держа запястье князя, император Силэй повернулся и, находясь плечом к плечу, медленно направился в лагерь.

— Почему плачешь? Ты всё ещё злишься на меня? — прибавляя шаг, блёкло спросил он, глядя на впереди горящей лагерьный костёр.

Неустанно вытирая слёзы, князь не ответил, задав встречный вопрос:

— Что ты пожелал, стоя перед могилой? — в голосе вновь звучало спокойствие.

Жун Тянь остановился, повернул голову и взглядом бездонных глаз окинул Фэн Мина. После чего, всё также продолжая хранить молчание, развернулся и вновь тихо пошёл дальше. Когда они уже подходили к лагерю, император Силэй проговорил:

— Я поклялся Мэй Цзи, что однажды убью весь царствующий дом Ли, и не важно — старики это будут или младенцы, мужчины или женщины — никого не пощажу, — в голосе, что был подобен воде, звучали решительность и злоба.

Фэн Мин резко остановился.

Похоже, Жун Тянь предвидел подобную реакцию своего возлюбленного и, приподняв уголки губ, горько ухмыльнулся:

— Думаешь, я слишком жесток, да?

Князь поглядел на императора Силэй бездонными омутами глаз, ярко мерцающими в чёрном пологие тьмы, и прошептал:

— Сейчас я хочу лишь одного — выпить вина, не составишь ли мне компанию?

Подняв занавеску палатки, Фэн Мин взял инициативу в свои руки: прошёл внутрь, зажёл свечу, после чего, взяв бронзовый кувшин вина, что принесли им слуги, открыл его и, держа двумя руками, прислонил к губам, делая глоток. Пряный запах тотчас же обдал нос, окрашивая ярким румянцем лицо Фэн Мина.

— Так ты составишь мне компанию, нет? — повернул ярко-красное личико князь, глядя на Жун Тяня слегка пьяным и распутным взглядом.

— Конечно, составлю, — без колебаний ответил он, и, сделав несколько шагов, подошёл к любимому фениксу. Обхватив кувшин так же, как и до этого делал Фэн Мин, Жун Тянь поднёс его к губам и, запрокинув голову, всё-таки влил терпкий напиток в рот.

Душистый запах вина заполнил воздух, окутывая мужчин своим ароматом.

У Жун Тяня была высокая устойчивость к алкоголю, больше, чем у кого-либо. Поэтому, не боясь терпкого и горького вкуса, император пил вино так, словно это была вода. Вскоре, делая глоток за глотком, Жун Тянь выпил всё до дна, чувствуя, как от вина все его тревоги улечиваются и исчезают, словно туман на рассвете дня.

— Потрясающее вино, как жаль, что у нас был лишь один кувшин, — с улыбкой сказал он.

После чего лёгким движением руки перекинул через себя сосуд, и тот с глухим звяканьем шмякнулся на покрытый тонким войлоком пол.

К слову сказать, это было лучшее вино Юньинь. Когда Юн И приказал своим людям отправиться за провиантом и палатками, те, в свою очередь, взяв еду, прихватили ещё и вина. Хоть кувшинов было всего несколько штук, вино в них — отменное. Оно было не только крепким, но и с лёгкостью могло одурманить.

Залив горе вином, Жун Тянь быстро опьянел. Вскоре молодой мужчина обернулся и, тяжело опустившись на край мягкой циновки, поднял величественный взгляд на Фэн Мина, приглушённым тоном говоря:

— Крепкое вино. — Хоть голос звучал ясно, однако глаза Его Величества, слегка покраснев, выглядели немного пугающими.

Фэн Мин сделал два шага вперёд.

— Не приближайся! — тихо крикнул Жун Тянь, но после короткой паузы, словно стараясь изо всех сил справиться с опьянением и растерянностью, он уже более мягко проговорил: — Если тебя всё ещё мучает бессонница, почему бы тогда не сходить в соседнюю палатку и попросить Цю Лань и девушек поболтать с тобой?

— Зачем их будить? — Не прислушиваясь к словам Жун Тяня, князь приблизился и, опираясь на ногу императора, уселся рядом. После чего, повернув голову, сказал со смехом: — К тому же проиграл — плати, я говорил, что сегодня ночью буду в твоём распоряжении.

Вино украсило светло-алым румянцем красивое и мужественное лицо. Дрожащее пламя свечи озаряло своим светом кожу, что была похожа на великолепный нефрит. Почувствовав тёплое дыхание на шее, Жун Тянь повернул голову и поглядел на сидящего рядом Фэн Мина. Чьё лицо было таким же, как у учителя — тонко очерченное и идеальное, без какого-либо изъяна. Только сегодня оно выглядело в десять раз привлекательнее, чем когда-либо.

Тонкие дуги бровей, прямой и надменный носик, манящие и чётко очерченные ярко-алые губы, изящная, бархатная и волнительная, как у лебедя, шея. Да весь его облик будоражил воображение, о таком князе невозможно было не мечтать.

Жун Тянь внимательно заглянул в чёрные омуты глаз, в которых горели искорки детской наивности, от подобной чистоты пробуждалось извращённое чувство страсти и вожделения.

И тут внезапная волна тепла обдала низ живота.

Голос Жун Тяня хрипло зазвучал:

— Ты действительно хочешь остаться сегодня со мной?

Но вместо ответа взгляд князя скользнул ниже – к талии и ногам, – и сразу всё стало ясно. После чего князь покачал головой, а его ушки покраснели.

Жун Тянь стиснул зубы и с тревогой на прекрасном лице предупредил:

— Я сейчас в дурном настроении, и не смогу долго сдерживаться. Я причиню тебе боль.

Но, это не возымело эффекта и князь подсел ещё ближе. Более того, сегодня он выглядел более упрям и решителен, чем когда-либо:

— Всё не так, как было раньше, я стал намного выносливее. Думаешь, меня теперь легко ранить?

Прежде чем князь закончил предложение, невидимый поток желания, подобно внезапному наводнению, хлынул, накрывая с головой.

Фэн Мин вскрикнул уже прижатый к кровати императором Силэй, в чьих глазах плескалось желание. Горячие губы, которые немедленно впились поцелуем в его маленький ротик, заглушили вырвавшийся крик. Поцелуй обжигал.

От губ до мозга разливался жар страсти, в неистовстве обдавая низ живота, пробуждая в князе желание, которое приходилось сдерживать из-за «крови возлюбленных».

Подобно хищнику, Жун Тянь ослабил пояс любимого феникса и, потянувшись вниз, умело обхватил и без того слегка возбуждённый член Фэн Мина.

— А!

Крик лишь сильнее раззадорил еле сдерживающегося императора.

— Не бойся, — на губах мелькнула улыбка. Горячее дыхание, смешанное с ароматом вина, вырвалось из груди, обдавая жаром лицо Фэн Мина. В тусклом отблеске свечей улыбка Жун Тяня превращалась в ухмылку, больше похожую на звериный оскал. Склонив низко голову, мужчина покусывал мочку ушка, одновременно скользя грубыми пальцами верх-вниз по члену Фэн Мина.

— М...

Жун Тянь словно протрезвел, глаза внезапно засияли и, будто пронзая князя острым взглядом,

заставил того ждать и в тоже время оробеть.

Не хотелось напрасно тратить время. Жун Тянь нарочно издал непристойный звук и, держа в мозолистой и привыкшей к мечу ладони орган Фэн Мина, стал забавляться с хрупким желанием князя.

Внезапно сладкое наслаждение пробежало по спине, заставляя князя выгнуться всем телом.

— Жун... Жун Тянь... — голос предательски дрогнул, словно ещё немного — и князь начнёт молить о пощаде. — Нет... Больше не...

— Ещё не время. — Жун Тянь, легко призвав к повиновению постоянно извивающегося под ним любовника, бесцеремонно заскользил верх-вниз по члену князя, словно уверенный в том, что член изменится, увеличившись в размере.

Приблизившись, Жун Тянь с блестящим взглядом и надменной дерзостью рассматривал каждое изменение на лице Фэн Мина: напряжённые от удовольствия мышцы, испарина, выступившая на лбу, росинками стекала вниз на украшенное румянцем лицо, сладкие стоны, срывающиеся с дрожащих губ. При свете свечи каждая эмоция, каждое изменение, всем этим император Силэй беззастенчиво восхищался.

— Нет... м... нет... не могу... — дрожащими губами простонал князь, отворачиваясь от Жун Тяня. Но молодой мужчина, безжалостно сжав его подбородок, заставил Фэн Мина вновь повернуться к себе.

— Я хочу видеть твоё лицо, когда ты кончишь, — низким голосом приказал Жун Тянь.

Словно ток прошёлся по телу, и волны удовольствия, накатывающие одна за одной, заставили Фэн Мина безудержно поддаться вперёд, выгибаясь всем телом.

От внимательного взгляда Жун Тяня, князь почувствовал укол совести, яростно пронзивший сердце.— Нет... не надо... — Тонкие пальчики ног поджались от подступающего удовольствия.

Больше Фэн Мин не мог себя контролировать, ему так сильно хотелось достичь пика наслаждений, что даже стыд отошёл на дальний план, на лице обнажилось желание и предвкушение оргазма. Всевозможные развратные эмоции не ускользнули от пристального взгляда императора Силэй, наоборот, они запечатлелись в его глазах. От осознания этого, князь готов был расплакаться.

— Хочешь кончить? — обжигающий шёпот обдал ушко Фэн Мина.

Соблазнительный аромат, и огонь, лизнувший мочку, ещё больше охватил душу, яростно сжигая её.

— Жун... Жун Тянь... — отчаянно замотал головой князь, почти задыхаясь от слёз.

Но Жун Тянь не слушал его, он продолжал мучить любовника, продолжая возбуждать.

— Не... нет... а... ум... — плача, стонал Фэн Мин, извиваясь под натиском ласк. И вскоре «объявил» о своём поражении: — А-а! — Сдавленно выкрикнул князь, а напряжённое до предела тело внезапно ослабло. После постыдного удовольствия князь смочил спермой ладонь Жун Тяня.

— Разве не говорил, что ещё не время? — И не давая Фэн Мину перевести дыхание, молодой мужчина сорвал все одежды и одним рывком швырнул их на пол, обнажив как себя, так и князя. А уже через мгновение запретное место любимого феникса, до которого не касались уже несколько дней, подверглось сладостной атаке.

Используя вместо смазки только что излитое семя Фэн Мина, мужчина смазал пальцы и начал увлажнять вход, который должен был вот-вот принять член императора, сжался.

— Подожди, подожди секунду. — Закричал Фэн Мин, умоляя. Хоть он морально подготовился, но при виде безумного взгляда Жун Тяня, всё же немного испугался.

— Я не могу больше ждать. — Завораживающий и сексуальный голос Жун Тяня был полон желания.

Сдерживать себя уже трудно было, кровь клокотала в жилах, смешавшись с безумием, твёрдый от возбуждения член «кричал», жадно стремясь проникнуть в столь манящее тело.

Вместо того, чтобы, как обычно, терпеливо и тщательно поухаживать за Фэн Мином, император Силэй вонзил в него два длинных смоченных в сперме пальца, заставляя Фэн Мина испустить жалобный писк маленького зверька:

— Жун Тянь... пожалуйста... прошу... помедленнее...

Услышав умоляющий голосок любовника, Жун Тянь, казалось, немного пришёл в себя. Крепко стиснув зубы, молодой мужчина вынул пальцы, прекращая безумный натиск. Немного отдышавшись и нахмурившись, Жун Тянь совсем хрипло спросил:

— Теперь можно?

И не дожидаясь ответа Фэн Мина, вновь вошёл в него пальцами. После нескольких пробных движений туда-сюда, Жун Тянь крайне скоро начал погружаться глубже и, стимулируя, стал растягивать узкие стенки кишечника.

От подобной ласки из груди Фэн Мина непроизвольно вырвался тяжёлый вздох. Кожа вмиг стала влажной от выступивших капель пота, а лицо покрылось румянцем, будто его только что окатили горячей водой. Источающий соблазнительный аромат, трогательный, сводящий с ума:

— Я хочу неистово любить тебя! — простонал Фэн Мин.

Это признание выбило из Жун Тяня последние крохи самообладания и разрушило разум. После чего император широко развёл ноги князя и, согнув в коленях, прижал их к его груди.

Возбуждённый член Жун Тяня наконец достиг заветной цели и в следующее мгновение одним резким движением преодолел сопротивление, яростно входя в столь манящее тело.

— Ааааах! — безудержный стон вырвался из груди, и ошеломительное чувство наполненности охватило тело Фэн Мина. Обжигающий жар пронзил князя, проникая в самую глубь.

Он впервые видел Жун Тяня таким жестоким. Его проникновения были такими частыми, что не шли ни в какое сравнение с боем военных барабанов. Он резко подавался бёдрами назад-вперёд, с каждым разом проникая всё глубже и глубже.

— Нет... нет... больно... — Тонкие брови князя сошлись на переносице, на лбу выступили испарины, смачивая растрёпанную чёлку.

Будучи безжалостно и властно взятым, князь размыто-дрожащим взглядом поглядел на охваченное экстазом лицо Жун Тяня. Казалось, что Жун Тянь растворился в нём, обнажив на мужественном лице удовольствие.

Сердцу, как и любовнику, нравится ласка.

— Больно... Жун Тянь... Жун... — плача, стонал Фэн Мин, вытянув руки и обвив ими мужчину.

И их тела переплелись, словно в сумасшедшем танце, источая неистовую страсть.

Жун Тянь, не останавливаясь ни на секунду, с той же бешеной яростью, с тем же пылом продолжал пронзать вход, который уже припух от грубых движений.

— Поцелуй меня, — низкий голос императора звучал подавляюще властно.

— Нет... не так... не так... быстро... — хриплый и дрожащий голос, в котором слышались удовольствие и мольба, смешался с частым дыханием князя.

Несмотря на это, он, Фэн Мин, не отпускал Жун Тяня, упрямо вцепившись в него.

Почти судорожно сведённые бёдра сжимали мужественную талию императора Силэй, словно отчаянно защищая сокровище, что могло быть отобрано в любой момент.

И, немного смущённый тем, как страстно его брали, Фэн Мин откинул голову назад, обнажив белую шею.

И Жун Тянь, словно оголодавший волк, укусил столь привлекательный подрагивающий кадык, оставив лёгкий след. После чего горячий язык приятно обжёг кожу, прошёлся по слабо виднеющейся отметине, зализывая и лаская её. Вскоре место языка сменили губы, которые стали терзать белоснежную кожу, поднимаясь всё выше и оставляя влажную цепочку грубых поцелуев. После, скользнув по подбородку, Жун Тянь нашёл губы любимого феникса и жадно впился в них, выбивая весь воздух из лёгких.

— Фэн Мин, так достаточно, нет?

Этот прямой вопрос вызвал ещё больше стыда.

Стенки кишечника на какое-то время сократились.

Восприняв это как поощрение, Жун Тянь, подавшись назад, яростно удвоил натиск. Услышав тяжёлое дыхание князя, он задал всё тот же непристойный вопрос:

— Так достаточно, нет?

— У... Под... Подлый... - Из дрожащего горла вырвался рваный всхлип.

— Достаточно, нет?

— Нет... — Сердце внезапно задрожало.

— Недостаточно? — Охваченный желанием Жун Тянь окидывал князя порочным взглядом, заставляя того задрожать и покраснеть до кончиков ушей: — Всё ещё недостаточно?

— Достаточно... хватит!.. — наконец-то запросил Фэн Мин о пощаде, вновь принимая поражение.

Ощущение, что этому натиску не будет конца, охватило тело. Лёгкие, сердце — всё внутри сжималось от такого бешеного темпа. Член то почти выходил, то вновь скользил вперёд, и всё продолжалось снова, без пауз. Казалось, от такой силы, даже лёгкие готовы были вырваться из груди. Толстый член двигался в теле, издавая развратные хлюпающие звуки.

Онемение, что постепенно расползлось от поясницы, достигло середины позвоночника, словно фитиль петарды догорел и вот-вот должен был произойти взрыв.

Тело больше не могло сдерживать дрожь, и член Жун Тяня, сейчас скользящий в теле князя, внезапно излился семенем.

Плачущий Фэн Мин резко закричал, напряжённое до предела тело ослабло, взгляд затуманился. Почти в то же время, когда тёплая жидкость разлилась внутри, изумительный поток жара заставил князя резко задрожать.

Наконец император Силэй остановился. Ощущение наполненности внезапно исчезло, даря чувство опустошенности.

Развратный запах секса заполнил воздух, а тяжёлое дыхание — слух. Жун Тянь перевернул растрёпанного Фэн Мина и ладонями развёл запачканные вязким семенем ягодицы в стороны.

Фэн Мин, у которого мышцы утомились и силы иссякли, широко распахнул глаза и с удивлением спросил:

— Неужели ты всё ещё голоден?

На что Жун Тянь ответил лишь одним движением. Приставив разгорячённый орган, он вновь ввёл в опухший и покрасневшийся вход, вызывая жгучее покалывание.

— Я всегда голоден! — Сказал Жун Тянь, вставив в самое сокровенное, издал полный наслаждения смех и яростно задвигал бёдрами.

— Ах... нежнее... прошу... умоляю тебя...

И два тела сплелись в жарком танце страсти и любви, издавая пошлые звуки.

Удовольствие от того, что его соблазняли, и стыд от того, что его брали, сгорали в пламени страсти, превращаясь в приторную сладость.

Животная энергия и мощь, с которыми Жун Тянь овладевал им, потрясала до глубины души.

Настойчивые[1] мучения изматывали, сводя с ума. Только что выдержавший атаку и припухший вход несколько не утратил своей чувствительности. Наоборот, стал ещё чувствительнее и все импульсы — от трения о слизистую и до ощущения растянутости — со скрупулёзностью посылал в мозг.

— М... М-м... пощади... — Сердце дрожало.

Находясь в позе, князь продолжал молить о пощаде, полуприкрытые веки, прикрывавшие полные слёз глаза, слегка подрагивали из-за охваченной тела дрожи.

В бреду князь забыл сколько раз, достигнув пика наслаждений, изливался.

Врываясь так глубоко, насколько это вообще было возможно, Жун Тянь дарил иллюзию, что они с Фэн Мином проведут в этом страстном танце любви всю жизнь.

А может — и целую вечность.

Затуманенный страстью разум охватила сладкая мысль.

Возможно, эта иллюзия не так уж и плоха.

Примечания:

[1]В оригинале фраза звучит как "гравировать не переставая"обр. в знач.: обладать упорством и настойчивостью; неотступно, упорно, настойчиво.

<http://bllate.org/book/13377/1190186>